

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ПОЛИЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Материалы Летней школы

**Астана
2016**

УДК 811
ББК 81
Р43

Редакционная коллегия:

Ш.К. Жаркынбекова, Е.А. Журавлёва (отв. ред),
Ж.Б. Бектурова, А.К. Ешекенева (техн. ред.)

М88 Межкультурное обучение как полилог языков и культур: сборник статей / Отв. ред. Е.А. Журавлёва. – Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2016. – 232 с.

ISBN 978-9965-07-773-9

Сборник содержит статьи участников Летней школы «Инновационные технологии и методика преподавания языковых дисциплин в системе полиязычия», посвященной 20-летию ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. В сборнике представлены концепции казахстанских лингвистов, методистов-практиков средней и высшей школы по актуальным вопросам межкультурного обучения, языковых контактов, проанализированы формы и направления инновационной лингводидактики в контексте межкультурной и профессиональной коммуникации.

Издание адресовано ученым-лингвистам и педагогам-практикам в области межкультурной коммуникации, а также широкому кругу читателей.

УДК 811
ББК 81

ISBN 978-9965-07-773-9

© ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2016

О ПРОБЛЕМНЫХ ЗОНАХ В ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Шарипова Г.А.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Астана, Казахстан

zhanargul@mail.ru

На разных уровнях изучения творчества Ф.М. Достоевского – школьном/вузовском – возникают большие трудности вхождения в литературно-философский мир пространства писателя. Эти трудности связаны с оставляющей желать лучшего языковедческой, речетворческой деятельностью ученика/студента, с пониманием смысла слова обыденного и трансформации его в художественном тексте в слово образное.

Исторически объяснимы сложности культурного разрыва автора и читателя. Осмысление текста романа «Братья Карамазовы» начинается с существенной подсказки «От автора», которая в репертуаре читательских ожиданий актуализирует «сердцевину целого», говоря слогом писателя.

Постановка проблемы. «Братья Карамазовы» – последний роман гениального пятикнижия Ф.М. Достоевского. В романе более 60 персонажей. Однако, спрятавшись за маской скромного рассказчика, автор приглашает «прозорливого читателя» к размышлению о самом младшем из братьев Карамазовых – Алексее Федоровиче. «Чем же замечателен, – по слову автора, именно этот герой, – Что сделал он такого? Кому и чем известен», что «читатель должен тратить время на изучение фактов его жизни?». Этот вопрос «самый роковой» [1, с.5], – предупреждает Ф.М. Достоевский. Вчитываясь в хорошо известный, казалось бы, но очень сложный художественный текст, наметим, как того требуют размышления о персонаже литературного произведения, проблему: светлую веру Алексея Карамазова писатель противопоставляет влиянию ума, отрывающемуся от сердца. Мыслимое как красота христианского смирения слово «вера» преодолевает провинциальную ситуацию

уездного городка, где происходят основные события, и становится всеобъемлющим понятием.

В окружении развратного отца и inferнальных женщин, старших братьев, сладострастника Мити и теоретика Ивана, старца Зосимы и социалиста Ракитина, лакея Смердякова и школьников – он, Алеша Карамазов, переживает неимоверное скопление злосчастий. Таковы кончина его духовного наставника старца Зосимы, распря из-за наследства и убийство отца, арест брата Дмитрия и несправедный суд над ним, сумасшествие брата Ивана, самоубийство Смердякова и смерть Илюши Снегирева. В средостении двух миров – света и тьмы «карамазовщины» – предстоит Алеше распорядиться своим талантом, талантом *«раннего человеколюбца»*.

Итак, словом «От автора» Ф.М. Достоевский моделирует предпонимание значения своего героя Алексея Федоровича: *«...он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи – все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались»*[1, с. 5].

Гоголевская мера «человека века». Напряженность повествования в романе Ф.М. Достоевского столь же свойство беллетристического произведения, сколь и философской драмы о человеке. Его образ гениально обрисовал еще Н.В. Гоголь. В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» он пишет: *«Все вынесет человек века, над всем он позволит посмеяться – и только не позволит посмеяться над умом своим. Ум для него святыня. Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой»*[2]. В поляризации двух крайних положений улавливает Гоголь реальность этого человека: *«И тень христианского смиренья не может к нему прикоснуться из-за гордыни его ума. Во всем он усумнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в Боге усумнится, но не усумнится в своем уме. <...> нет, не чувственные страсти, но страсти ума уже начались...»* [там же].

Гоголевской мерой образа «человека века», оторванного «наплывным ветром», мерит Достоевский окружающую действительность и выводит художественно воссозданную ситуацию «карамазовщины» за пределы литературы, за пределы переплета книги.

Все в Иване Карамазове исходит от его веры в один ум свой, именно ему из всех братьев в величайшей мере присуща критическая мысль. До Ивана в художественной литературе едва ли существовали герои-творцы дьявольски умных сочинений. Дарование этого героя

из семейства Карамазовых так полно, что подчиненное культу разума, оно становится достоянием людей, склонных творить зло. Россыпи суждений Ивана подвигли бульонщика Смердякова к заключению, что в этом мире *«все позволено»*, *«ибо коли нет Бога бесконечного, то и нет никакой добродетели, да и ненадобно ее тогда вовсе»*[3, с.67]. Чтобы «поставить» младшего брата Алешу на атеистическую «точку», Иван искушает его исповедью о своем неприятии мира Божьего и невозможности на земле красоты Христовой любви. Целый реестр рассказов о страданиях детей, составленный по-карамазовски злорадно, венчает вопрос о нравственно дозволенной мере наказания их мучителей. Иван требует от праведного Алеши немедленного ответа-решения. И вот этот *«смиранный послушник»* побледнев, тихо произнесет (желаемый для Ивана) вердикт: *«Расстрелять!»* Самым восторженным образом Иван приветствует *«бесенка»*, что *«в сердечке»* у *«Алешки Карамазова»* сидит, коли он считает нужным та'к наказывать *«за слезинку ребенка»* [1, с.220].

Испытание раннего человеколюбца драмой изгнания Иисуса Христа. Почти с той же неумолимостью Иван продолжает испытывать Алешу, чтобы не упустить-не уступить его старцу Зосиме, драмой явления Христа народу и его изгнания первосвященником. Поэму *«Великий инквизитор»* *«выдумал»* Иван, и Алеша – ее первый *«читатель, то есть слушатель»*. Действие происходит в Севилье XVIвека, в страшное время испанской инквизиции. Иисус Христос *«возжелал хоть на мгновенье посетить детей своих и именно там, где как раз затрещали костры еретиков»*[1, с. 226]. Люди в радости узнавания Его и ожидания чуда устремляются к Нему, целуют землю, по которой идет Он. Однако величие личности Христа представляется Великому инквизитору помехой в деле устройства общества покорного и трепетно послушного народа. Знаком перста своего он велит страже схватить Его и заключить в тюрьму. И вот, продолжает Иван, далеко не благообразного вида девяностолетний инквизитор-старец приходит под покровом ночи к Иисусу. *«Зачем же Ты пришел к нам мешать?»* – спрашивает он и далее произносит свой пламенный монолог, на протяжении которого Иисус безмолвствует, *«не желая ничего возражать»* [1, с.228-239]. Инквизитор категорически велит Ему удалиться и не приходить более никогда.

По решительному суждению Алеши, который выслушал поэму и дополнительные комментарии Ивана в чрезвычайном волнении, этот «страдающий инквизитор» вместе с Римом, с худшими из католичества, инквизиторами и иезуитами («умными людьми», по Ивану), проповедует безверие и безбожие, подразумевающее христианство без Христа. Партитура протестного слова Алеши продиктована общей идеей христианства. И поэма Ивана *«есть хвала Иисусу, а не хула»*, как того хотел тот. В отличие от православия, в Риме, в католичестве, произошли, по глубокому убеждению Алеши, такие перевоплощения, что их идеал – это всемирное земное царство, с императором – римским первосвященником во главе. Завуалированную модель религиозно-политического рационализма *«худших из католичества»* Алеша раскрывает в итоге без иллюзий: *«Самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения ... вроде будущего крепостного права с тем что они станут помещиками ... вот и все у них. Они и в Бога не веруют, может быть»*[1, с. 366].

Итак, испытывая смиренномудрое мирозерцание Алеши философией вселенского масштаба, Иван осознает, что в сердце этого юноши нет места Ивановой формуле *«все позволено»*: он тверд на пути приготовления себя к подвижнической жизни.

В отличие от Ивана, возведшего культ разума и любовь к неведомому дальнему в принцип своей жизни, Алеша неустанно деятелен по отношению к ближним. Как сложится дальнейший путь его жизни, «прозорливый читатель» может судить по Эпилогу. Здесь он обнаружит события, которые моделируют романтические идеалы преодоления эгоцентризма человека, восстановления связи между людьми из своего непосредственного окружения. Сама действительность потребует от Алеши Карамазова не покидать братьев и других страждущих.

По любви-ненависти и/или по разуму сердца. Надрывные ноты доминируют во время встречи Алеши с Катериной Ивановной, к которой он пришел по проекту-идее *«спасти Митю»*, осужденного на каторгу. Тяжкая обида своей отверженности после того, как она, невинная институтка, решилась однажды, ради чести отца, лично прийти к Мите, заставляет ее с наслаждением отдаваться самоистязанию. И теперь Катерина Ивановна так была обременена угрызениями совести за свое *«предательство»* на суде, что Алеша почувствовал и боялся, что она решится *«пасть ниц, чтобы повиниться, именно перед ним, со слезами, со взвизгами, с истерикой,*

с битьем о пол» [3, с.181]. В своем душевно-рациональном порыве эта бывшая «царица балов» городка, где кутил «молодец» Дмитрий Карамазов, берет за долг способствовать всеми силами его побегу с этапа в Сибирь. По гордости решает, по любви-ненависти, а не по Алешиному свету добрототворения.

В обремененности смиренного Алеши «*прехлопотливым делом*» и идеей сострадательного отношения к окружающим все переливается через разум сердца. Первозданная душа его, которой не коснулся ни дьявол, ни человек, незыблема, как тот свет небесный, что какой-то идеей нисходил в душу его и воцарялся в уме – «*уже на всю жизнь*». То случилось после смерти старца Зосимы и «*тлетворного духа*» его, повергших в тоску и уныние «*юного отрока*», и вечера у Грушеньки, которая «*подала*» ему как сестра «*луковку*» спасения – то есть преодоления греха уныния [1, с.328].

По настоянию Алеши Катерина Ивановна откликается на просьбу Дмитрия прийти и хотя бы показаться у порога арестантского отделения. «*Подумайте, взывал к ней Алеша, – вы безвинно погибшего посетите ... его руки чисты, на них крови нет! Ради бесчисленного его страдания будущего, посетите его теперь!*» [3, с.182]. Именно Алеше дано почувствовать, как его брат Дмитрий, поднимаясь со дна Содомского, впервые осознает, «*как неисчерпаемо*», виновен он перед Катериной Ивановной, Катей; как Грушенька, предызбранная им Мадонна, для него «*такой крест взяла*». Помочь преодолеть «*безудерж карамазовский, нечестивый*» и способствовать добру как укорененности на родной земле (пусть даже в смерти – по «*плану*» Мити) – такова цельная правда Алеши, его идея со-равенства с несчастным братом. Который, «*слушайте: каторжный на двадцать лет собирается еще быть счастливым – разве это не жалко*» [3, с.182], – с невероятной силой повторяет он Катерине Ивановне в последнюю их встречу.

В этот «*прехлопотливый*» день Алеша с опозданием, но пришел на похороны Илюши Снегирева. Это скорбное событие объединяет Алешу Карамазова с товарищами Илюши, каковых «*собралось человек двенадцать*». «*У Илюшина камушка*», сообщает автор-повествователь об Алеше, «*что-то как быстрялось в его душе*». И он, Алеша, скажет «*на этом самом месте одно слово*» [3, с.189,194].

Память детства, родительского дома. Это слово было о том, что делает человека счастливым, что делает его лучшим, какова модель социального поведения каждого из присутствующих

мальчиков в отдельности и всех вместе взятых. Основу Алешиной этики жизни не только «*в эту теперешнюю минуту*», а «*хоть бы и через тридцать лет*» являют философия памяти, любовь и честь. Поэзию подобных мыслей своего героя Ф.М. Достоевский отождествляет с памятью детства и отчего дома: «*Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома*»[3, с.195].

Из книги первой «История одной семейки» известно, что Алеша Карамазов был лишен родительского крова, «*оставшись после матери всего лишь по четвертому году*»[1, с.18]. Казалось бы, откуда взяться памяти детства и родительского дома, о чем этот юноша двадцати лет напутствует мальчиков.

Такого рода благостное воспоминание Алеши связано с образом матери, которая предстает как бы в вырванном уголке «*из огромной картины*». В тексте романа Ф.М. Достоевского звучит буквально: «*Вот картина!*». Автор-повествователь визуализирует запомнившейся ребенку Алеше «*один вечер летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца*». «*...в комнате, – по описанию далее, – в углу образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях рыдающую как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него Богородицу...*»[1, с. 18].

Иными словами, имплицитные детали портрета матери с младенцем в интерьере описания пространства – это не только видимый уровень фокализации (по термину Жерара Женетта) идеальной картины дома. Уникально постигнутое чувством это светлое воспоминание героя Ф.М.Достоевского созидает сокровенное слово-смысл его прощальной речи...

По легенде рассудочного Ивана Карамазова о Великом инквизиторе, человек слаб. Но не таков его младший брат, Алеша, мало экспансивный и даже мало разговорчивый. Личность и облик этого героя, метонимически отдающего окружающим свойства своей души, его ангельская срединность между безднами «*верха*» и «*низа*», хождения от «*униженных и оскорбленных*» к inferнальным и юродивым, от «*случайного семейства*» к семейству Снегирёвых – все это соответствует деянию демиурга человечески-человечных отношений в обществе.

Умение выделить главную проблему вслед за автором повествования, умение выявить его позицию и способы ее выражения благодаря элементам сопоставительного анализа – таковы, примерно, конструкты диалога между писателем и современным читателем.

Литература:

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 томах. Т. XIV. Книги I-X. – Ленинград: Наука, 1976.
2. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями// [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0160.shtml.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 томах. Т. XV. Книги XI-XII. – Ленинград: Наука, 1976.

ҚАЗАҚСТАН БІЛІМ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ТІЛДІҢ ҮШТҰҒЫРЛЫҒЫ

Шотанова С.Б.

*Л.Н.Гумилева атындағы Еуразия ұлттық университеті
г. Астана, Қазақстан
saule_bal@mail.ru*

Көптілділік, яғни тілдердің үштұғырлығы туралы идея 2006 жылдың қазан айында Қазақстан халқы Ассамблеясының XII сессиясында ресми түрде мәлімделген. Бұның негізі – мемлекетіміздің әлемдік қоғамдастыққа енуі мен адамзаттың өмірлік қажеттіліктері. Дамыған әлемдік тілдер ішінде ағылшын тілі ел мен халықтың коммуникациялық және интеграциялық қабілеттерін кеңейтетін тіл ретінде тандалды [2].

Президент 2007 жылы «Жаңа әлемдегі жаңа Қазақстан» Жолдауында «Тілдердің үштұғырлығы» мәдени жобасын кезенді жүзеге асыруды бастауды ұсынды. Қазақстан Республикасының мемлекеттік жалпыға міндетті білім беру стандарттарының талаптарына жүгінсек, бүгінгі жас буын – көптілді коммуникативтік және ақпараттық құзыреттілігі дамыған, көпмәдениетті, рухани-адамгершілік, ұлтаралық қатынастар мәдениетінің жоғары деңгейін меңгерген, қазақ елінің және жалпы қазақстандық құндылықтарды қастерлейтін, тілдерді меңгеруге тұрақты қызығушылық танытатын, отансүйгіштік және азаматтық сана-сезімдері дамыған тұлға.